

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бломенкранц М.</i> МАКИАВЕЛЛИ: УРОКИ ИСТОРИИ	5
О ТОМ, КАК НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ С ВОССТАВШИМИ ЖИТЕЛЯМИ ВАЛЬДИКЪЯНЫ <i>Перевод под редакцией Дживелегова А.</i>	9
ОПИСАНИЕ ТОГО, КАК ИЗБАВИЛСЯ ГЕРЦОГ ВАЛЕНТИНО ОТ ВИТЕЛЛОЦЦО ВИТЕЛЛИ, ОЛИВЕРОТТО ДА ФЕРМО, СИНЬОРА ПАОЛО И ГЕРЦОГА ГРАВИНА ОРСИНИ <i>Перевод под редакцией Дживелегова А.</i>	19
ЖИЗНЬ КАСТРУЧЧО КАСТРАКАНИ ИЗ ЛУКИ <i>Перевод под редакцией Дживелегова А.</i>	31
ГОСУДАРЬ <i>Перевод Муравьевой Г.</i>	75
РАССУЖДЕНИЯ О ПЕРВОЙ ДЕКАДЕ ТИТА ЛИВИЯ <i>Перевод Хлодовского Р.</i>	201

МАКИАВЕЛЛИ: УРОКИ ИСТОРИИ

Политические тексты Макиавелли, написанные около пяти веков назад, наш современник прочтет сегодня по-своему.

Автономность политики от других сфер человеческого существования, прежде всего — от нравственности, примат государственных интересов над интересами личности и крайне низкая оценка человеческой природы как таковой — вот отправные точки политической философии Макиавелли.

Безусловно, итальянский философ осмысливал негативный опыт своего времени: политическое бессилие разрозненной и потерявшей самостоятельность Италии, глубокий кризис средневекового религиозного сознания, проявившийся прежде всего в вырождении института папства и потере метаисторических ориентиров в осмыслении человеческого существования. В этой ситуации основным приоритетом становится романтизация волевого императива, жизненной мощи, способной вернуть этому распадающемуся на части миру утраченное единство.

Дух возрожденческого титанизма, породивший тип сильной личности, самоутверждающейся за счет индивидов более слабых, воплощается для Макиавелли в фигуре идеального правителя: целеустремленного, хладнокровно-расчетливого, жестокого, с несгибаемой волей, наделенного хитростью и коварством.

Технология власти мудрого государя не слишком сложна, на современном языке это выглядит как известный метод кнута и пряника: «...людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое — не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести»¹.

История нашего времени — это история реализовавшихся утопий. При всем различии архитектурных замыслов этих проектов земного переустройства — от «Государства» Платона до «Государя» Н. Макиавелли, «Утопии» Т. Мора и «Города Солнца» Т. Кампанеллы — их объединяет одно: человеческая личность безоговорочно приносится на алтарь государственного молоха как неизбежная жертва, конечно же, во имя ее же собственного блага. Одни при этом исходят из идеализации человеческой природы, упрощая и схематизируя ее, другие же абсолютизируют

¹ Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1982. С. 306.

худшие проявления этой природы. Впрочем, историческая практика причудливо синтезировала крайности этих подходов, и один из зодчих светлого будущего, Иосиф Виссарионович, успешно сочетал оба, черпая опыт государственной мудрости и смелых политических свершений в книге, ставшей для него настольной, — в «Государе» Макиавелли.

Как оказалось, все эти проекты необходимого мироустройства прекрасно дополняют друг друга в святом деле полного порабощения человека аппаратом государства. В результате санкционированная Макиавелли «разумная жестокость» правителя, поставленная на конвейер охранительных органов, запускает такую машину террора, по сравнению с которой современные пережитки первобытного каннибализма выглядят как пример рациональной диеты у носителей высоких гуманистических идеалов.

Некоторые исследователи творчества Макиавелли видят его заслугу в том, что он дал точную и реалистическую картину нравов и мотивов поведения деятелей своей эпохи, представил политическую жизнь Италии без лицемерия, свойственного политикам во все времена, назвал вещи своими именами. При этом стыдливо упускается из виду то, что там, где власти обычно прибегают к лицемерию для того, чтобы сокрыть порочную суть тех или иных политических действий, Макиавелли их откровенно обнажает только

затем, дабы представить эти пороки как скрытые добродетели. Он вводит в общественный обиход новую систему ценностей, в которой политическая власть, направленная на укрепление государства, становится высшим благом. Так кесарю отдается Божье.

И хотя Макиавелли признает необходимость религии, однако религия, с его точки зрения, должна быть подчинена государству и стать послушным инструментом для укрепления последнего. В известном смысле Макиавелли можно считать провозвестником поворота от религиозного мышления к идеологическому.

Реакцией Макиавелли на духовный кризис средневековой Европы стал безоговорочный поворот навстречу новому времени, к секуляризации жизненных ценностей, к грядущей борьбе за выживание личности, отстаивающей свою независимость и человеческое достоинство в жестокое единоборстве с холодными и цепкими устоями государственной власти.

М. Блюменкранц

**О ТОМ,
КАК НАДЛЕЖИТ
ПОСТУПАТЬ
С ВОССТАВШИМИ
ЖИТЕЛЯМИ ВАЛЬДИКЪЯНЫ**

Когда Луций Фурий Камилл вернулся в Рим после победы над жителями Лациума, много раз восстававшими против римлян, он пришел в Сенат и сказал речь, в которой рассуждал, как поступить с землями и городами латинян. Вот как передает Ливий его слова и решение Сената: «Отцы сенаторы, то, что должно было свершиться в Лациуме войной и мечом, милостью богов и доблестью воинов наших ныне окончено. Воинство врагов полегло у Педа и Астуры, земли и города латинян и Анциум, город вольсков, взяты силой или сдались вам на известных условиях. Мы знаем, однако, что племена эти часто восстают, подвергая отечество опасности, и теперь нам остается подумать, как обеспечить себя на будущее время: воздать ли им жестокостью или великодушно их простить. Боги дали вам полную власть решить, должен ли Лациум остаться независимым или вы подчините его на вечные времена. Итак, подумайте, хотите ли вы сурово проучить тех, кто вам покорился, хотите ли вы разорить дотла весь Лациум и превратить в пустыню край, откуда не раз приводили вы

в опасное время на помощь себе войска, или вы хотите, по примеру предков ваших, расширить республику Римскую, переселив в Рим тех, кого еще они победили, и этим дается вам случай со славой расширить пределы города. Я же хочу сказать лишь следующее: то государство стоит несокрушимо, которое обладает подданными верными и привязанными к своему властителю; однако дело, которое надо решить, должно быть решено быстро, ибо перед вами множество людей, трепещущих между надеждой и страхом, которых надо вывести из этой неизвестности и обратить их умы к мыслям о каре или о награждении. Долгом моим было действовать так, чтобы и то и другое было в вашей власти; это исполнено. Вам же теперь предстоит принять решение на благо и пользу республики».

Сенаторы хвалили речь консула, но сказали, что дела в восставших городах и землях обстоят различно, так что они не могут говорить обо всех, а лишь о каждом отдельно, и, когда консул доложил о делах каждой земли, сенаторы решили, что ланувийцы должны быть гражданами римскими и получить обратно священные предметы, отнятые у них во время войны; точно так же дали они гражданство римское арицинам, номентанам и педанам, сохранили преимущества тускуланцев, а вину за их восстание возложили на немногих, наиболее подозрительных. Зато велитерны были наказаны жестоко, потому что,

будучи уже давно римскими гражданами, они много раз восставали; город их был разрушен, и всех его граждан переселили в Рим. В Анциум, дабы прочно укрепить его за собой, поселили новых жителей, отняли все корабли и запретили строить новые. Можно видеть по этому приговору, как решили римляне судьбу восставших земель; они думали, что надо или приобрести их верность благодеяниями, или поступить с ними так, чтобы впредь никогда не приходилось их бояться; всякий средний путь казался им вредным. Когда надо было решать, римляне прибегали то к одному, то к другому средству, милуя тех, с кем можно было надеяться на мир; с другими же, на кого надеяться не приходилось, они поступали так, что те уже никак и никогда не могли им навредить. Чтобы достигнуть этой последней цели, у римлян было два средства: одно — это разрушить город и переселить жителей в Рим, другое — изгнать из города его старых жителей и прислать сюда новых или, оставив в городе старых жителей, поселить туда так много новых, чтобы старые уже никогда не могли злоумышлять и затевать что-либо против Сената. К этим двум средствам и прибегли римляне, когда разрушили Велитернум и заселили новыми жителями Анциум. Говорят, что история — наставница наших поступков, а более всего поступков князей, что мир всегда населен был людьми, подвластными одним и тем же страстям, что всегда были слуги

и повелители, а среди слуг такие, кто служит поневоле и кто служит охотно, кто восстает на господина и терпит за это кару. Кто этому не верит, пусть посмотрит на Ареццо и на всю Вальдикьяну, где в прошлом году творились дела, очень схожие с историей латинских племен. Как там, так и здесь было восстание, впоследствии подавленное, и хотя в средствах восстания и подавления есть довольно заметная разница, но самое восстание и подавление его схожи. Поэтому, если верно, что история — наставница наших поступков, не мешает тем, кто будет карать и судить Вальдикьяну, брать пример и подражать народу, который стал владыкой мира, особенно в деле, где вам точно показано, как надо управлять, ибо как римляне осудили различно, смотря по разности вины, так должны поступить и вы, усмотрев различие вины и среди ваших мятежников. Если вы скажете: мы это сделаем, я отвечу, что не сделано главное и лучшее. Я считаю хорошим решение, что вы оставили правящие органы в Кортоне, Кастильоне, Борго, Фойано, обошлись с ними ласково и сумели благодарностями вернуть их приязнь, ибо нахожу в них сходство с ланувийцами, арицинами, номентанами и тускуланцами, насчет которых римляне решили почти так же. Но я не одобряю, что аретинцы, похожие на велитернов и анциан, не подверглись такой же участи, как и те. И если решение римлян заслуживает хвалы, то ваше в той же

мере заслуживает осуждения. Римляне находили, что надо либо облагодетельствовать восставшие народы, либо вовсе их истребить и что всякий иной путь грозит величайшими опасностями.

Как мне кажется, вы не сделали с аретинцами ни того, ни другого: вы переселили их во Флоренцию, лишили их почестей, продали их имена, открыто их срамили, держали их солдат в плену — все это нельзя назвать благодеянием. Точно так же нельзя сказать, что вы себя обезопасили, ибо оставили в целости городские стены, позволили пяти шестым жителей остаться по-прежнему в городе, не смешали их с новыми жителями, которые держали бы их в узде, и вообще не сумели так поставить дело, чтобы при новых затруднениях и войнах нам не пришлось тратить больше сил на Ареццо, чем на врага, который вздумает на нас напасть. Вспомните опыт 1498 года, когда еще не было ни восстания, ни жестокого усмирения этого города; все же, когда венецианцы подошли к Биббиене, вам пришлось, чтобы отстоять Ареццо, отдать его войскам герцога Миланского, и если бы не ваши колебания, то граф Рануччо со своим отрядом мог бы воевать против врагов в Казентино и не понадобилось бы отзывать из-под Пизы Паоло Вителли, чтобы послать его в Казентино. Однако ненадежность аретинцев заставила вас на это решиться, и вам пришлось встретиться с очень большими опасностями, помимо огромных рас-

ходов, которых вы бы избежали, если бы аретинцы остались верными. Сближая, таким образом, то, что было тогда, с тем, что мы видели позже, и с условиями, в которых вы находитесь, можно заключить наверняка, что если на вас, упаси Боже, кто-нибудь нападет, то Ареццо восстанет или вам будет так трудно удержать его в повиновении, что расходы окажутся для города непосильными. Не хочу обойти молчанием и вопрос, можете ли вы подвергнуться нападению или нет и есть ли человек, который рассчитывает на аретинцев.

Не будем говорить о том, насколько вам могут быть страшны иноземные государи, а побеседуем об опасности гораздо более близкой. Кто наблюдал Чезаре Борджа, которого называют герцогом Валентино, тот знает, что, оберегая свои владения, он никогда не думал опираться на своих итальянских друзей, так как венецианцев он ценил низко, а вас еще ниже. Поэтому он, конечно, должен думать о том, чтобы создать себе в Италии такую власть, которая дала бы ему безопасность и заставила бы всякого другого правителя желать его дружбы. Что таково его намерение, что он стремится захватить Гросканы, страну, близко лежащую и пригодную, чтобы образовать вместе с другими его владениями единое королевство, — это вытекает необходимо из причин, о которых сказано выше, из властолюбия герцога и даже из того, что он заставлял вас

терять время на переговоры и никогда не хотел заключить с вами договор. Дело теперь только в том, удобное ли сейчас время для его замыслов. Я вспоминаю, как кардинал Содерини говорил, что у папы и у герцога, помимо других качеств, за которые можно было назвать их великими людьми, было еще следующее: оба они большие мастера выбирать удобный случай и, как никто, умеют им пользоваться. Мнение это подтверждено опытом дел, проведенных ими с успехом. Если бы спор шел о том, настала ли сейчас удобная минута, чтобы вас прижать, я бы ответил, что нет, но знайте, что герцог не может выжидать, кто победит, ибо, при краткости жизни папы, времени у него останется мало; ему необходимо воспользоваться первым представившимся случаем и положиться во многом на счастье.

**ОПИСАНИЕ ТОГО,
КАК ИЗБАВИЛСЯ
ГЕРЦОГ ВАЛЕНТИНО
ОТ ВИТЕЛЛОЦЦО ВИТЕЛЛИ,
ОЛИВЕРОТТО ДА ФЕРМО,
СИНЬОРА ПАОЛО
И ГЕРЦОГА
ГРАВИНА ОРСИНИ**

Герцог Валентино только что вернулся из Ломбардии, куда он ездил, чтобы оправдаться перед Людовиком, королем Франции, от клевет, взведенных на него флорентийцами из-за мятежа в Ареццо и в других местностях Вальдикьяны; он находился в Имоле, оттуда намеревался выступить со своими отрядами против Джованни Бентивольо, тирана Болоньи, так как хотел подчинить себе этот город и сделать его столицей своего герцогства Романьи. Когда весть об этом дошла до Вителли, Орсини и других их сторонников, они решили, что герцог становится слишком могуч и теперь надо бояться за себя, ибо, завладев Болоньей, он, конечно, постарается их истребить, дабы вооруженным в Италии остался один только он. Они собрались в Маджоне около Перуджии и пригласили туда кардинала, Паоло и герцога Гравина Орсини, Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, Джанпаоло Бальони, тирана Перуджии, и мессера Антонио да Венафро, посланного Пандольфо Петруччи, властителем Сиены; на собрании речь шла о мощи герцога, о его замыслах, о том, что его необходимо об-

уздать, иначе всем им грозит гибель. Кроме того, решили не покидать Бентивольо, постараться привлечь на свою сторону флорентийцев и в оба города послать своих людей, обещая помощь первому и убеждая второй объединиться против общего врага. Об этом съезде стало тотчас же известно во всей Италии, и у всех недовольных властью герцога, между прочим, у жителей Урбино, появилась надежда на перемены. Умы волновались, и несколько жителей Урбино решили захватить дружественный герцогу замок Сан-Лео. Владелец замка в это время его укреплял, и туда свозили лес для построек; заговорщики дождались, пока бревна, доставлявшиеся в замок, были уже на мосту и загромождали его настолько, что защитники замка не могли на него взойти, вскочили на мост и оттуда ворвались в замок. Как только об этом захвате стало известно, взбунтовалось все государство и потребовало обратно своего старого герцога, понадеявшись не столько даже на захват крепости, сколько на съезд в Маджоне и на его поддержку. Участники съезда, узнав о бунте в Урбино, решили, что упустить этот случай нельзя, собрали своих людей и двинулись на завоевание всех земель, которые в этом государстве оставались еще в руках герцога, причем снова отправили во Флоренцию послов, поручив им убедить республику соединиться с ними, чтобы потушить страшный для всех пожар, указывая, что враг разбит и другого